

## Трибуна молодого ученого TRIBUNE OF YOUNG SCIENTIST

DOI: 10.18287/2542-047X-2021-7-1-109-114



### НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.33

Дата поступления: 11.11.2020

рецензирования: 19.01.2021

принятия: 26.02.2021

### **Преступления против мира и безопасности человечества (гл. 34 УК РФ): некоторые проблемы дифференциации ответственности**

**Ю. О. Гончарова**

Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова,

г. Ярославль, Российская Федерация

E-mail: julygoncharova97@yandex.ru

**Аннотация:** В настоящей статье рассматриваются проблемы конструирования норм о преступлениях против мира и безопасности человечества (гл. 34 УК РФ) и дискуссионные вопросы регламентации квалифицированного поведения субъектов указанных посягательств. Очевидно, что в России нормативные, в том числе и уголовно-правовые, инструменты противодействия преступлениям против мира и безопасности человечества окончательно еще не сформированы и не опробованы практикой в должной мере, конструкции составов не всегда соответствуют потребностям правоприменительной практики и криминологическим основаниям. Основное внимание автора уделено исследованию пробелов нормативной дифференциации ответственности. В работе отмечается, что в статьях гл. 34 УК РФ насыщение квалифицирующими признаками уголовно-правовых запретов является недостаточным. В настоящее время только пять статей (ст. 354, 354<sup>1</sup>, 359, 360, 361) указанной главы содержат отдельные квалифицированные составы. Очевидно, в период формирования редакций статей в середине 90-х годов прошлого века законодатель не уделил должного внимания их наполнению необходимыми дифференцирующими обстоятельствами, учету криминологического содержания и уровня общественной опасности того или иного противоправного поведения, причиняющего вред миру и безопасности человечества. В статье предлагается ряд нормативных решений по закреплению определенных квалифицирующих обстоятельств в нормах гл. 34 УК РФ, анализируется содержание характера и уровня общественной опасности отдельных посягательств, обосновывается учет этих обстоятельств в конструировании квалифицированных составов преступлений.

**Ключевые слова:** уголовное право; международное право; преступление; мир; безопасность; человечество; военные преступления; дифференциация ответственности; квалифицированный состав; квалифицирующие признаки.

**Цитирование.** Гончарова Ю. О. Преступления против мира и безопасности человечества (гл. 34 УК РФ): некоторые проблемы дифференциации ответственности // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7, № 1. С. 109–114. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-1-109-114>.

**Информация о конфликте интересов:** автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Гончарова Ю. О., 2021

Юлия Олеговна Гончарова – аспирант кафедры уголовного права и криминологии, Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова, 150003, Российская Федерация, г. Ярославль, ул. Советская, 14.

**Область научных интересов:** уголовное право, преступления против мира и безопасности человечества, законодательная техника, дифференциация уголовной ответственности.

### SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 11.11.2020

Revised: 19.01.2021

Accepted: 26.02.2021

### **Crimes against peace and security of mankind (Chapter 34 of the Criminal Code of the Russian Federation): some problems of differentiating responsibility**

**Yu. O. Goncharova**

P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

E-mail: julygoncharova97@yandex.ru

**Abstract:** This article examines the problems of constructing norms on crimes against the peace and security of mankind (Chapter 34 of the Criminal Code of the Russian Federation), analyzes the controversial issues of regulating of the

qualified behavior of the subjects of these attacks. It is obvious that in Russia the regulatory, including criminal law, instruments for countering crimes against the peace and security of mankind have not yet been finally formed and have not been properly tested in practice; the designs of the compositions do not always correspond to the needs of law enforcement practice and criminological foundations. The author focuses on the study of the gaps in the implementation of the normative differentiation of responsibility, the study of the features of consolidation of qualifying features in the articles of Chapter 34 of the Criminal Code of the Russian Federation. The article notes that the saturation of the qualifying signs of the investigated criminal law prohibitions is insufficient. Currently, only five articles (Articles 354, 354.1, 359, 360, 361) of this chapter contain qualified compositions. Obviously, during the formation of the investigated criminal law prohibitions in the mid-90s of the last century, the legislator did not pay due attention to their saturation with the necessary differentiating circumstances, taking into account the criminological content and the level of social danger of one or another illegal behavior that harms the peace and security of mankind. The article proposes a number of normative decisions to consolidate a number of qualifying circumstances in the norms of Chapter 34 of the Criminal Code of the Russian Federation, the content of the nature and level of social danger of individual encroachments is analyzed, the consideration of these circumstances in the construction of qualified corpus delicti is substantiated.

**Key words:** criminal law; international law; crime; peace; security; humanity; war crimes; differentiation of responsibility; qualified corpus delicti; qualifying signs.

**Citation.** Goncharova Yu. O. *Prestupleniia protiv mira i bezopasnosti chelovechestva (gl. 34 UK RF): nekotorye problemy differentsiatsii otvetstvennosti* [Crimes against peace and security of mankind (Chapter 34 of the Criminal Code of the Russian Federation): some problems of differentiating responsibility]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2021, vol. 7, no. 1, pp. 109–114. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-1-109-114> [in Russian].

**Information about the conflict of interests:** author declares no conflict of interests.

© Goncharova Yu. O., 2021

Yulia O. Goncharova – postgraduate student of the Department of Criminal Law and Criminology, P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14, Sovetskaya Street, Yaroslavl, 150003, Russian Federation.

**Research interests:** criminal law, crimes against the peace and security of mankind, legislative technology, differentiation of criminal responsibility.

В науке уголовного права признано, что дифференциация уголовной ответственности в Особой части Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) осуществляется законодателем преимущественно посредством:

- а) квалифицированных составов (квалифицирующих признаков);
- б) использования специальных видов освобождения от уголовной ответственности;
- в) относительно-определенных, альтернативных и кумулятивных санкций;
- г) допущения возможности (факультативности) применения дополнительных наказаний.

Ключевым средством в процессе отмеченной дифференциации уголовной ответственности являются, несомненно, квалифицирующие признаки, поскольку именно они обычно используются при описании преступного деяния. В рамках темы настоящей статьи стоит задача прежде всего оценить использование в нормах о преступлениях против мира и безопасности человечества такого средства дифференциации, как квалифицирующие признаки. Представляется, что насыщенность дифференцирующими обстоятельствами уголовно-правовых запретов в гл. 34 УК РФ можно считать очень слабой. Фактически на момент вступления в силу ныне действующего уголовного закона лишь в двух статьях (354, 359) данной главы закреплялись «классические» квалифицированные составы, содержащие отдельные квалифицирующие признаки.

Так, в статье 354 УК РФ (Публичные призывы к развязыванию агрессивной войны) в части 2 в качестве квалифицированного поведения указывались деяния, совершенные с использованием средств массовой информации либо лицом, занимающим государственную должность Российской

Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации. Заметим, что если в последующих изменениях уголовного закона законодатель в иных статьях (например, п. «д» ч. 2 ст. 110, ч. 2 ст. 128<sup>1</sup>, ч. 2 ст. 205<sup>2</sup> и проч.) расширил сферу использования средств массовой информации путем указания на использование сети Интернет, то применительно к ст. 354 УК РФ таких дополнений не было. Такая «забывчивость» законодателя объясняется недостаточным вниманием к главе 34 УК РФ и определенно ведет к пробельности уголовного права. Очевидно, что в современных условиях виртуальное пространство может использоваться в противоправных целях (осуществлению публичных призывов к развязыванию агрессивной войны) даже в большей степени, чем традиционные средства массовой информации (газеты, телевидение и т. д.).

Отметим, что учет криминологических характеристик преступного деяния имеет существенное значение при регламентации квалифицирующих обстоятельств. Так, в рассматриваемой норме «квалифицированными» субъектами, как указывалось выше, признавались лица, занимающие: 1) государственную должность Российской Федерации или 2) государственную должность субъекта Российской Федерации. Действительно, с точки зрения правового мышления законодателя в период (1994–1996 гг.) подготовки и принятия ныне действующего УК РФ, призывы к развязыванию агрессивной войны со стороны руководителя отдельного региона или федерального министерства имели криминологические обоснования и содержали реально более высокий уровень общественной опасности. Россия в этот период переживала войну на Северном Кавказе, экономическую и социальную разруху, в ряде регионов наблюда-

лись сепаратистские настроения и прочие проявления политической нестабильности. Представить же себе, что в наше время, к примеру, руководитель какого-либо субъекта РФ будет осуществлять в любой форме призывы к развязыванию агрессивной войны достаточно сложно. Фактически уголовно-правовое противодействие поведению указанных субъектов утрачивает актуальность и перемещается из зоны объективной реальности в зону нормативной превенции. Справедливости ради скажем, что большинство видов преступного поведения (в том числе и квалифицированного), которые закреплены в гл. 34 УК, также находятся в зоне превенции.

Вторая норма, в которой были закреплены квалифицирующие обстоятельства, – это ст. 359 УК РФ (Наемничество). В части 2 этой статьи указаны признаки, характеризующие субъекта преступления и потерпевшего: квалифицированными признавались деяния, совершенные лицом с использованием своего служебного положения или в отношении несовершеннолетнего. Наличие таких признаков считаем обоснованным и соответствующим потребностям правоприменительной практики и криминологическим основаниям. Учитывая, что в последние годы подавляющая часть наемнических вербовок (прежде всего радикальными исламскими группировками) осуществляется в сети Интернет, необходимо в ст. 359 УК РФ относительно *вербовки и обучения* наемников предусмотреть в качестве квалифицирующего признака *использование информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет)*.

В различные годы в юридической литературе и иные признаки состава назывались *квалифицирующими* в нормах о преступлениях против мира и безопасности человечества, например, закрепленные в ч. 2 ст. 353, 356, ч. 3 ст. 359 УК РФ [1, с. 23]. Полагаем, что подобная позиция выглядит достаточно спорной. На наш взгляд, указанные посягательства не являются квалифицирующими и, соответственно, не содержат дифференцирующих обстоятельств. По сути, они являются самостоятельными составами, закрепленными в разных частях статьи. Такие нормативные решения противоречат правилам дифференциации уголовной ответственности и, несомненно, требуют законодательной реконструкции [2, с. 300; 3, с. 153].

Если говорить об использовании квалифицирующих признаков применительно к исследуемым деяниям в зарубежном законодательстве, следует отметить, что, во-первых, в доктринальной и законодательной уголовно-правовой практике развитых европейских стран отсутствует феномен дифференциации ответственности (в отечественном понимании данного понятия); во-вторых, применение усиливающих ответственность признаков имеет существенные различия не только между странами, но и в рамках конкретного уголовного закона [4, с. 167; 5, с. 350].

Заметим, что слабое насыщение квалифицирующими признаками было характерно и для многих других уголовно-правовых запретов

в Особенной части отечественного уголовного закона на момент его разработки и принятия. Традиционно дифференцирующие обстоятельства активно использовались в главах о преступлениях против жизни и здоровья, половой свободы и половой неприкосновенности, собственности и некоторых других. Это обстоятельство было обусловлено длительным историко-правовым опытом регламентации и применения указанных норм, насыщенностью их в правоприменительной практике, доктринальной изученностью. Напротив, в процессе конструирования норм о преступлениях против конституционных и иных прав и свобод человека и гражданина в сфере экономической деятельности и других внедрение квалифицирующих признаков было очень редким и несистемным. Например, практически не использовались «вертикальные устойчивые блоки (наборы) квалифицирующих обстоятельств», детально рассмотренные Л. Л. Кругликовым и другими представителями Ярославской и других уголовно-правовых школ [6, с. 46]. Не использовал законодатель устойчивые наборы квалифицирующих обстоятельств и при регламентации преступлений против мира и безопасности человечества. Полагаем, что, несмотря на специфику объекта и криминологическое содержание указанных посягательств, использование такого приема дифференциации возможно для отдельных посягательств, о чем будет сказано далее.

Следует отметить некие негативные аспекты реализации правил дифференциации ответственности в части определения непосредственных объектов конкретных посягательств. К примеру, *развязывание* агрессивной войны (ч. 1 ст. 353 УК РФ) и *ведение* агрессивной войны (ч. 2 ст. 353 УК РФ), по нашему мнению, являются перманентными последовательными (однородными) действиями с сопоставимым содержанием общественной опасности. В отдельных случаях действия по развязыванию агрессивной войны могут быть гораздо опаснее, чем объективная реальность ведения войны. Военная практика последних десятилетий показывает, что развязывание и ведение войн, как правило, осуществляются одними и теми же лицами. Размещение указанных признаков в разных частях ст. 353 УК РФ, на наш взгляд, не оправдано. Полагаем, что разумнее определить все указанные действия в первой части статьи, предусмотрев в санкции нормы наказание в виде лишения свободы от десяти до двадцати лет. Перепад общественной опасности в линейке действий – *планирование, подготовка, развязывание, ведение* агрессивной войны – учитывать в процессе индивидуализации ответственности.

В части второй статьи целесообразнее разместить в порядке *de lege ferenda* квалифицированные составы с использованием квалифицирующих признаков, характеризующих совершение деяния: 1) *организованной группой*, 2) *повлекшее массовую гибель мирного населения или иные тяжкие последствия*. Предусмотреть при этом наказание в виде лишения свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет или пожизненного лишения свободы.

В качестве контраргумента предвидим различные критические оценки в части наших последних предложений. Во-первых, насколько необходимо усиление ответственности за совершение посягательства организованной группой? Думается, что такое нормативное решение криминологически обосновано и полностью соответствует правилам законодательной техники и дифференциации ответственности. Очевидно, что действия, указанные в диспозиции исследуемой нормы, достаточно часто совершаются *не единолично*, особенно это касается планирования, подготовки и ведения агрессивной войны. Современная крупномасштабная война, особенно с участием большого количества вооруженных людей и боевой техники, – сложное многомерное явление и требует участия в ее различных составляющих сплоченной иерархичной группы людей, объединенных едиными преступным умыслом, целями и мотивами. Деятельность такой группы, несомненно, требует более жесткой правовой оценки и усиления ответственности. Здесь же следует отметить, что для ряда преступлений (например, ст. 354<sup>1</sup>, 359, 360, 361 УК РФ), закрепленных в рассматриваемой главе, очевидным обстоятельством, повышающим уровень общественной опасности содеянного, является совершение указанных деяний *группой лиц по предварительному сговору*. Безусловно, групповое *наемничество* (ст. 359 УК РФ), *нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой* (ст. 360 УК РФ), или совершение *акта международного терроризма* (ст. 361 УК РФ) в определенных криминогенных ситуациях могут быть не сопряжены с высоким уровнем сплоченности, организации и планирования, характерным для организованной группы, но тем не менее требуют законодательного отражения более опасного преступного поведения. Следовательно, считаем целесообразным закрепить в качестве квалифицирующего признака в ст. 354<sup>1</sup>, 359, 360, 361 УК РФ совершение деяния *группой лиц по предварительному сговору*.

Во-вторых, нам могут возразить по поводу внесения дифференцирующего обстоятельства, характеризующего массовую гибель мирного населения или наступление иных тяжких последствий. Обратившись к истории вооруженных конфликтов недавнего времени, можно однозначно сказать, что в каждом конкретном случае негативные последствия могут сильно различаться. Так, во время войны в Персидском заливе 1990–1991 гг. («Буря в пустыне»), к примеру, в Ираке погибло около 200 тыс. мирных жителей [7, с. 853], в ходе Августовской войны в Южной Осетии погибло свыше 160 граждан Южной Осетии [8]. Возможно допустить, что на отдельных этапах совершения преступления (планирование, подготовка) погибших не будет вообще. Понимая некий цинизм подсчета и правовой оценки количества погибших людей, определимся, что для анализа и учета уровня общественной опасности содеянного это имеет существенное значение.

Аналогично следует подойти и к характеристике иных тяжких последствий – имущественных, организационных, экологических и других. К примеру, Кувейт в результате агрессивного нападения со стороны Ирака понес огромные имущественные и экологические потери. Только стоимость тушения горящих скважин и восстановления оборудования на них была оценена в 12 млрд долларов [7, с. 811]. При этом не всегда, к примеру, деяния и последствия экологического характера могут быть квалифицированы как экоцид, поскольку могут быть «оторваны» от умысла лица, развязавшего и ведущего агрессивную войну.

Исследователи последствий различных войн в районе Персидского залива подчеркивают, что наступление серьезного экологического вреда связано не с характером и содержанием боевых действий, а прежде всего с особенностью данного нефтеносного региона [9, с. 59]. В задачи таких войн не входит причинение критического ущерба нефтедобывающей инфраструктуре и, соответственно, природной среде. Ведение аналогичной войны в другом театре военных действий однозначно не причинило бы глобального экологического вреда. Следовательно, наличие усиливающего обстоятельства при наступлении серьезных последствий, не подпадающих под признаки иных преступлений, вполне оправдано.

Надо признать, что весь период действия настоящего Уголовного кодекса законодатель, внося изменения в гл. 34, уделял определенное (на наш взгляд, недостаточное) внимание насыщению ее квалифицирующими признаками [10]. В настоящее время квалифицирующие признаки закреплены уже в пяти статьях гл. 34 УК РФ (ст. 354, 354<sup>1</sup>, 359, 360, 361). Так, в ч. 2 ст. 354<sup>1</sup> УК РФ (Реабилитация нацизма), введенной Федеральным законом от 05.05.2014 № 128-ФЗ, указывается на совершение деяния 1) *лицом с использованием своего служебного положения* или 2) *с использованием средств массовой информации*, а равно 3) *с искусственным созданием доказательств обвинения*. В целом одобряя такое нормативное решение, укажем на целесообразность закрепления в данной статье квалифицирующих признаков, характеризующих групповой характер содеянного.

Специфические квалифицирующие обстоятельства – деяние, совершенное 1) *в целях провокации войны* или 2) *осложнения международных отношений*, – были включены Федеральным законом от 05.05.2014 № 130-ФЗ в ч. 2 ст. 360 УК РФ (Нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой). Нами не случайно указывается на специфику таких квалифицирующих обстоятельств, характеризующих определенные цели совершения преступления. Традиционными для квалифицированных целей в уголовном законе в большинстве случаев являются унифицированные для многих уголовно-правовых запретов априори противоправные, низменные цели – корыстные, причинения страданий, сокрытия преступления и т. д. В нашем случае

цели определены особенностями объекта деяний гл. 34 и ст. 360 УК РФ и являются характерными исключительно для преступлений против мира и безопасности человечества.

В части 3 статьи 361 УК РФ (Акт международного терроризма), которая также является новеллой и введена Федеральным законом от 06.07.2016 № 375-ФЗ, содержится квалифицирующий признак, предусматривающий *причинение смерти человеку* в результате совершения вне пределов территории Российской Федерации взрыва, поджога или иных действий, подвергающих опасности жизнь, здоровье, свободу или неприкосновенность граждан Российской Федерации в целях нарушения мирного сосуществования государств и народов либо направленных против интересов Российской Федерации, а также при угрозе совершения указанных действий. Полагаем, что, учитывая криминологическое содержание указанного деяния, наличие такого дифференцирующего обстоятельства следует признать вполне обоснованным.

Вместе с тем следует принять тезис об отсутствии последовательности и системности подхода законодателя в регламентации квалифицирующих обстоятельств в гл. 34 УК РФ. Действительно, такой же признак – *причинение смерти человеку* – напрашивается в квалифицированный состав, закрепленный в ст. 360 УК РФ, которая предусматривает ответственность за нападение на представителя иностранного государства или сотрудника международной организации, пользующегося международной защитой, а равно на служебные или жи-

лые помещения либо транспортные средства лиц, пользующихся международной защитой. По сути, в данной норме закреплена разновидность террористических действий, в результате которой вполне реальными могут быть последствия в виде гибели людей. Такие последствия реально повышают уровень общественной опасности содеянного, но, к сожалению, это обстоятельство в настоящее время оставлено правотворческой практикой без внимания. То же замечание уместно в отношении ст. 356 УК РФ.

Полагаем, что с учетом криминологических особенностей, потребностей практики и задач превенции возможно закрепить в нормах гл. 34 УК РФ следующие квалифицирующие обстоятельства, применительно к нижеперечисленным посягательствам:

1) деяние, совершенное группой лиц по предварительному сговору, – ст. 354<sup>1</sup>, 359, 360, 361 УК РФ;

2) деяние, совершенное организованной группой – ст. 353–361 УК РФ;

3) деяние, совершенное лицом с использованием своего служебного положения – ст. 355 УК РФ;

4) деяние, причинившее смерть человеку – ч. 1 ст. 356, ст. 360 УК РФ;

5) деяние, повлекшее массовую гибель мирного населения или иные тяжкие последствия – ст. 353, ч. 2 ст. 356, 357, 358 УК РФ;

6) деяние, совершенное с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет) – ст. 354, 354<sup>1</sup>, ч. 1 ст. 359 УК РФ.

### Библиографический список

1. Головлева О. М. Преступления против мира и безопасности человечества в уголовном праве России // Следователь. 2002. № 3. С. 56–59.
2. Грузинская Е. И. Юридически-техническое оформление преступлений против мира и безопасности человечества в современном уголовном законодательстве // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9, № 3–1. С. 299–305. URL: <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-law-2019-3/40-gruzinskaya.pdf>.
3. Соловьев О. Г., Грузинская Е. И., Савкина А. С. Значение международного договора в становлении и развитии международного уголовного права на современном этапе // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества. 2019. № 18 (18). С. 150–159. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37260801>.
4. Baer George W. Crimes against the peace in criminal law and the activities of the criminal justice of European countries. Cambridge: Harvard University Press, 2009. 235 p.
5. Ambos K. European Criminal Law. Cambridge: Cambridge University Press. 2018. 664 p. DOI: <http://doi.org/10.1017/9781316348628>.
6. Кругликов Л. Л. Дифференциация уголовной ответственности: соотношение со смежными понятиями // Правовая парадигма. 2017. № 3. С. 45–49. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2017.3.1>.
7. Robert Fisk. The Great War For Civilisation: The Conquest of the Middle East. London: Publisher Fourth Estate, 2005. 1136 p. URL: <https://libcom.org/library/great-war-civilisation-conquest-middle-east-robert-fisk>.
8. СКП РФ уточнил потери населения во время войны в Южной Осетии. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1217266> (дата обращения 11.11.2020).
9. Corrigan Jim. Desert Storm Air War: The Aerial Campaign against Saddam's Iraq in the 1991 Gulf War. Mechanicsburg: Stackpole Books, 2017. 288 p. URL: <https://oceanofpdf.com/authors/jim-corrigan/pdf-epub-desert-storm-air-war-the-aerial-campaign-against-saddams-iraq-in-the-1991-gulf-war-download/>.
10. Степанова Е. Е. Преступления против мира и безопасности человечества: международные предписания и практика правоприменения // Уральский журнал правовых исследований. 2019. № 2 (3). С. 299–325. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39669756>.

## References

1. Golovleva O. M. *Prestupleniia protiv mira i bezopasnosti chelovechestva v ugovnom prave Rossii* [Crimes against peace and security of mankind in the criminal law of Russia]. *Sledovatel'*, 2002, no. 3, pp. 56–59 [in Russian].
2. Gruzinskaya E. I. *Iuridicheski-tekhnikeskoe oformlenie prestuplenii protiv mira i bezopasnosti chelovechestva v sovremennom ugovnom zakonodatel'stve* [Legal and technical registration of crimes against the peace and security of mankind in modern criminal legislation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 2019, vol. 9, no. 3–1, pp. 299–305. Available at: <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-law-2019-3/40-gruzinskaya.pdf>. [in Russian].
3. Solovyev O. G., Gruzinskaya E. I., Savkina A. S. *Znachenie mezhdunarodnogo dogovora v stanovlenii i razvitii mezhdunarodnogo ugovnogo prava na sovremennom etape* [The value of an international treaty in the formation and development of international criminal law at the present stage]. *Aktual'nye problemy teorii i istorii pravovoj sistemy obshchestva*, 2019, no. 18 (18), pp. 150–159. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37260801>. [in Russian].
4. Baer George W. *Crimes against the peace in criminal law and the activities of the criminal justice of European countries*. Cambridge: Harvard University Press, 2009. 235 p.
5. Ambos, K. *European Criminal Law*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018, 664 p. DOI: <http://doi.org/10.1017/9781316348628>.
6. Kruglikov L. L. *Differentsiatsiia ugovnoi otvetstvennosti: sootnoshenie so smezhnymi poniatiiami* [Differentiation of criminal responsibility: correlation with related terms]. *Pravovaia paradigma* [Legal Concept], 2017, no. 3, pp. 45–49. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2017.3.1> [in Russian].
7. Robert Fisk. *The Great War For Civilisation: The Conquest of the Middle East*. London: Publisher Fourth Estate, 2005, 1136 p. Available at: <https://libcom.org/library/great-war-civilisation-conquest-middle-east-robert-fisk>.
8. *SKP RF utochnil poteri naseleniia vo vremia voiny v Iuzhnoi Osetii* [Investigative Committee of the Russian Federation clarified the population losses during the war in South Ossetia]. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/1217266> (accessed 12.01.2021) [in Russian].
9. Corrigan Jim. *Desert Storm Air War: The Aerial Campaign against Saddam's Iraq in the 1991 Gulf War*. Mechanicsburg: Stackpole Books, 2017, 288 p. Available at: <https://oceanofpdf.com/authors/jim-corrigan/pdf-epub-desert-storm-air-war-the-aerial-campaign-against-saddams-iraq-in-the-1991-gulf-war-download>.
10. Stepanova E. E. *Prestupleniia protiv mira i bezopasnosti chelovechestva: mezhdunarodnye predpisaniia i praktika pravoprineneniia* [Crimes against peace and safety of humanity: international regulations and practice of law enforcement]. *Ural'skii zhurnal pravovykh issledovaniy* [Ural Journal of Legal Research], 2019, no. 2 (3), pp. 299–325. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39669756> [in Russian].